

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

**АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ** **70**
ХРОНИКИ

Дмитрий Коровников Адмирал Империи - 70

<https://litres.ru/74346042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса:

Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...»

Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...»

Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...»

Согласитесь, не очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости.

Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 70

Глава 1

На орбиту мы так и не вернулись.

Хотя челнок уже прогрел дюзы на дворцовой площадке, и Настасья Николаевна успела взяться за ручку двери, когда пришёл доклад, что безопасного коридора для возвращения на свои корабли больше нет. Ни для адмиралов, ни для санитарных бортов, ни для кого. Над Суражем-4 начинался бой, а сквозь бой не летают даже те, кому позарез нужно на собственный мостик.

Пару минут назад я выпросил у государя разрешение ещё немного побыть адмиралом. Вселенная приняла заявку в работу с расторопностью, которой я за ней прежде не замечал.

— «2525» подождёт, — сказал император. — И «Елизавета Первая» подождёт.

— Моя «Елизавета» стоит в секторе практически без верхней палубы, — Зимина попыталась отстоять свою позицию с той особой аккуратностью, которая заменяла ей ругань. — Ей только и остаётся, что ждать. А вот мне — нет.

— Вам тоже, Настасья Николаевна. — улыбнулся Иван.

В принципе, подумав, я согласился с доводами государя...

Внезапное появление свежих сил противника — самый быстрый в Империи способ пересмотра кадровых вопросов.

Четырнадцать вымпелов первого министра шли к планете. Не крались, не щупали оборону, не разворачивались в поисковые порядки — шли, как летят домой. «Агамемнон» вёл, «Барбарос Хайреддин» держался в полукорпусе за ним, и две колонны больших десантных кораблей тянулись следом, похожие на обоз.

Самое страшное в тылу нашего орбитального хозяйства, на дальних стояночных орбитах, висели транспорты. Несколько десятков судов и БДК, набитых штурмовыми подразделениями императора: тяжёлая пехота, которую свозили сюда под операции по добиванию эскадры Суровцева и которую никто не успел ни спустить вниз, ни увести. Час назад это называлось резервом. Теперь это называлось лёгкой добычей.

Девять кораблей Керема Рейса отделились от ордера и рванулись туда — крейсера и галеры, лёгкие, злые, с ними-дийскими таранными форштевнями. Остальные продолжали идти к планете, даже не оглянувшись: адмирал-паша выделил на бойню ровно столько, сколько счёл нужным, и в этой логике было больше презрения, чем в любом ультиматуме.

Эфир лопнул сразу.

— ...«Двина-11», атакован, повторяю, атакован! Дайте целеуказание, хоть кто-нибудь!..

— ...я транспорт, я не могу с ним драться, у меня четыре зенитки и полторы тысячи человек за переборками!..

— ...отхожу к Суражу-3, к рудным модулям... может, среди ферм нас не разглядят...

Страшнее всего были не залпы. Страшнее всего было то, что никто из них не ждал команд, — потому что команд не было. Сектору полагался командующий — тот самый, что стоял сейчас на планете, под слоем атмосферы, охраны и высочайшего неудовольствия, и слушал их голоса. Обстоятельства моего отсутствия на орбите носили красивое название «аудиенция», только тысячам людей на этих бортах от красивых названий было не легче. Транспорты разлетались по орбите, как голуби с площади: кто-то жёг маршевые, пытаясь оторваться от планеты, кто-то нырял к ближайшим промышленным модулям, надеясь затеряться среди добывающих ферм и бункеров с нимидийской рудой. Голубей это никогда не спасало.

Галеры догоняли их играючи. Я смотрел, как на планшете отметка преследователя сливается с отметкой беглеца, вспыхивает короткая строка телеметрии — и остаётся одна отметка, уже никуда не идущая. Иногда галера даже не тратила боезапас: таранный форштевень, разница скоростей — и транспорт с семью сотнями штурмовиков внутри раскрывался, как консервная банка. Расстрелянным везло больше. У расстрелянного корпуса есть шанс удержать герметичность хотя бы по отсекам.

Наблюдательность — проклятие моей профессии: я поймал себя на том, что оцениваю работу османских канониров, и оценка выходила высокой.

Доклады сыпались императору один за другим. Дежурные офицеры зачитывали их вполголоса, как сводки о наводнении: «Двина-11» уничтожена. «Ладога-2» уничтожена. «Терек» протаранен, разлом практически посередине, спасательных капсул не наблюдается. Иван Константинович стоял неподвижно, и только пальцы его на кромке планшета делались всё белее. Восьмилетний человек смотрел, как убивают его лучшую пехоту — по семьсот, по тысяче душ за погасшую отметку, и молчал, потому что приказывать в этой каше было некому и нечего.

Некому и нечего — это состояние, которое держится ровно до той секунды, пока кто-нибудь не взвалит его на себя. Вопрос о том, что я делаю с чужими полномочиями, сегодня уже разбирали в этом кабинете. Разбор прервали на самом интересном месте — грех было не воспользоваться.

— Дежурный оператор, — сказал я. — Общий канал на все транспорты и БДК орбитальной группы. Немедленно.

Офицер посмотрел с экрана, но не на меня — на императора. Правильно посмотрел: некоторое время назад меня сюда привезли выяснять, не много ли я на себя беру.

— Исполняйте, — кивнул Иван Константинович, не поворачивая головы.

Настасья Николаевна коротко взглянула на меня. В этом

взгляде не было ни удивления, ни вопроса — только деловитая готовность человека, который уже прикинул, какую часть работы заберёт себе.

Микрофон мне достался лёгкий, изящный, из тех, что делают для докладов и поздравлений. Ничего. Сегодня ему предстояла другая работа.

— Всем судам орбитальной группы. Говорит контр-адмирал Васильков. Слушайте приказ. Немедленно — снижение. Вход в атмосферу по кратчайшей траектории, посадка на Сураж-4: полосы космодромов, степь, солончаки, любая ровная поверхность в пределах достижимости. Не строиться. Не ждать соседей. Не запрашивать подтверждения. Пошли.

Эфир осёкся — и взорвался снова.

— Говорит командир БДК «Онега-7». Господин контр-адмирал... вы понимаете, что приказываете? На поверхности мы неподвижные мишени! Нас с орбиты расщёлкают, как на полигоне!

Голос был немолодой, сорванный, и я его понимал. Всю жизнь этих людей учили одному: живучесть — это ход и манёвр. Я предлагал им лечь и не шевелиться.

— «Онега-7», отвечаю. Ваши корабли уже потеряны. Все до единого. У галер противника ход вдвое выше вашего, у вас зенитки против среднего калибра. Манёвром вы выигрываете четверть часа агонии. Поэтому слушайте внимательно: я не спасаю ваши корабли. Я спасаю тысячу человек у вас за переборками. Из горящего корпуса на земле люди в ратни-

ках выбраться сумеют. Из разрушенного корпуса на орбите им выбираться некуда. Вниз, командир. Быстро!

Секунды две в канале жила одна пустая несущая. Я успел прикинуть, что скажу, если он откажется, и ни одно из этих слов мне не понравилось.

— ...Принял. «Онега-7» пошла на снижение.

— Говорит «Ладога-9», — вклинился другой голос, моложе и злее. — Допустим, сядем. Дальше что? Ждать на стоянках, пока нас накроют сверху?

— Не ждать, — сказал я. — Сели — аппарели вниз, людей наружу и бегом от бортов, чем дальше, тем лучше. Корабль на грунте — уже не корабль. Это крыша, которая скоро загорится. Не сидите под ней.

— ...Понял вас. Принял.

По голосу было слышно, что не понял. Ничего. На полосе такие вещи доходят быстро.

Главное они пошли.

Экран расцвёл десятками нисходящих дуг — неровных, торопливых, безобразных с точки зрения любого учебника: БДК валились в атмосферу на предельных углах, борт к борту, без эшелонирования, и атмосфера Суража встречала их такой болтанкой, что телеметрия захлёбывалась. Плевать на учебники. Учебники пишут для тех, у кого есть завтра.

Настасья Николаевна встала рядом со мной и молча занялась тем, что умела лучше всех: превращением паники в расписание. Она вызывала борта по одному, коротко, без еди-

ного лишнего слова, и втискивала их торопливые дуги в подобие очереди.

— «Двина-3», примите вправо, ваш коридор занят... Полоса у рудных терминалов, старая, грузовая. Вижу, что короткая. Вам с неё не взлетать, командир. Вам на неё упасть, желательно аккуратно.

— Разводите их по разным районам, — сказал я вполголоса. — Чтобы одним накрытием...

— Уже развожу, Александр Иванович, — отозвалась она, не поднимая головы. — Займитесь своим делом. У вас отлично выходит говорить в общий канал страшным голосом.

Крыть было нечем.

Из всех людей, с которыми можно было застрять в чужой резиденции посреди разгрома, судьба выдала мне единственного, с кем застревать не обидно. Вслух я этого, разумеется, не сказал: не то место, не тот день и многовато микрофонов.

Девять — вот цифра кораблей противника, которая нас спасала. Не доблесть, не тактика — простая нехватка палачей. Пока галеры Рейса потрошили замешкавшихся на высоких орбитах, пока крейсера гонялись за беглецами у добывающих ферм, нижний эшелон нырял. Девять кораблей не успевают быть в тридцати местах сразу; у всякой резни есть пропускная способность.

— Сколько успеет? — спросил император, не отрывая глаз от планшета.

— Треть, — сказал я. — Если Рейс не бросит охоту у модулей — треть.

— А если бросит?

— Тогда меньше.

Он кивнул и больше не спрашивал. Гинце за его плечом впервые за день не имел наготове процентов.

Примерно треть и вышла. Остальные две трети остались наверху — россыпью остывающего металла на неправильных орбитах, и у каждой отметки в этой россыпи имелись имя, номер и список личного состава, который кому-то ещё предстояло сверять. Я понимал, что сейчас это называется победой.

Первые БДК коснулись грунта уже через четверть часа — если слово «коснулись» вообще применимо к тому, как многотысячетонная коробка бьёт брюхом в полосу, зарывается, скребёт бетон и замирает в туче пыли и пара. С аппарелей ещё не осевших кораблей сыпались штурмовики: чёрные точки, ручейки, потоки. Кто-то выводил технику, большинство бежало налегке, и это было ровно то, чего я хотел. Бегущий солдат жив. Остальное — детали.

Адмирал Рейс понял, что добыча уходит.

Османы ударили с орбиты, вдогонку, чуть ли не по площадям. Плазма с такой дистанции приходит вниз растрёпанной, широкой, уже не сгустком, а огненным дождём, но десантному кораблю на полосе хватает и дождя. На кадрах с уцелевших камер космодрома накрытие ложилось по стоян-

кам: один БДК вспух изнутри и осел, второй переломился, у третьего занялась корма, и из его носовых аппарелей всё ещё выпрыгивали люди — в дыму, наискось, кубарем, на фоне собственного пожара. Кто успел отбежать — отбежал. Кто был в кормовых трюмах, тот остался там, и я запретил себе прикидывать, сколько их, потому что этой арифметикой мне ещё заниматься ночью, а ночью я с ней справляюсь хуже.

Император смотрел туда же, куда и я.

Полосы горели. Вдоль них, между островами, по бетону и рыжей степной траве разбегались от огня маленькие тёмные фигурки — сотни, тысячи фигурок: пригибаясь, падая, поднимаясь и снова бегом.

Живые.

Глава 2

Шесть тысяч.

Цифра собиралась по кускам — из докладов начальников космодромов, из сводок гарнизонных постов, из переключек на аварийных частотах — и к исходу устоялась. Около шести тысяч уцелевших. Они выходили к сборным пунктам, обожжённые, оглохшие, злые, и офицеры внизу считали их по головам, потому что считать по спискам было уже негде.

Кабинет императора слушал. Непривычное занятие для помещения, где привыкли слушать орбиту: голоса снизу шли медленнее и тяжелее, они не докладывали — рассказывали, и отучить их от этого не могла никакая уставная форма.

— Предварительно — шесть тысяч космодесантников, государь, — докладывал дежурный с экрана. — Сбор в трёх районах. Ходячих раненых много, тяжёлых... — он запнулся. — Тяжёлых мало.

Куда делись тяжёлые, пояснять никто не стал.

На одном из открытых каналов, чей-то охрипший бас требовал носилки и, не дожидаясь ответа, докладывал дальше — привычка человека, которого жизнь давно отучила ждать. Я запомнил этот бас. Такими голосами потом командуют сводными батальонами.

Возвращаться на «2525» больше не имело смысла, и я понял это раньше, чем додумал мысль до конца. Не потому,

что не дали бы коридор — теперь, пожалуй, дали бы, а потому, что наверху мне стало нечем командовать. Оборона системы сжалась до двух вещей: фортов Константинова Вала и планеты, на которой я сейчас находился. Форты в моём присутствии не нуждались — они умели ждать и стрелять без вдохновляющих речей.

Планета — нуждалась.

По внешнему обводу карты неторопливо и неотвратимо подтягивались к Суражу-4 две колонны больших десантных кораблей противника. «Агамемнон» шёл в центре построения — так идёт по тёмной улице человек, несущий крупную сумму: не быстро, не медленно, в середине толпы. Вокруг линкора держались четыре золотых крейсера — личное охранение первого министра, которое он всю кампанию не выпускал из виду, а сегодня выстроил вокруг транспортов.

И вот это отвечало на все вопросы разом. Десант не возят к планете, которую собираются осаждать. Десант подвозят к планете, которую собираются брать на штыки. Граус вёз сюда свои штурмовые полки за тем же, за чем государь когда-то свозил в «Новую Москву» свои: под этим небом стояла столица, в столице — резиденция, а в резиденции — мальчик за слишком большим столом. Всё остальное в этой войне было приложением к данному пункту.

— Ваше величество, — сказал я. — Прошу разрешения принять командование обороной планеты. Командовать буду отсюда.

— Вы занимаетесь этим уже час, Александр Иванович, — ответил император, не поднимая головы от сводки. — Я лишь узакониваю сложившееся положение. Принимайте.

Через две минуты мне дали канал на «2525».

— Айк. Слушай и не перебивай. Я остаюсь внизу — принял оборону планеты. Крейсер держи у первой линии, под прикрытием фортов. В драку не лезь. Ты и корабль мне нужны целыми.

Пауза вышла долгая. Я почти видел, как на том конце человек набирает воздух для возражений — и складывает их обратно, одно за другим.

— Принял, — сказал наконец Пападакис. — Один вопрос разрешите. Внизу ведь скоро начнётся то же, что творилось наверху.

— Поэтому я и внизу, — ответил я. — Конец связи, капитан. Работаем.

Адмирал без флота — существо, в служебной иерархии не описанное: нечто среднее между советником и экспонатом. Единственный способ не стать экспонатом — найти себе новый флот. Мой стоял сейчас на выжженных полосах, разбежался по степи и назывался пехотой.

Дальше пошла работа, которой не бывает в хрониках, потому что она скучная: война на девять десятых состоит из ведомостей. Уцелевших — свести в сводные батальоны, командиров назначить из тех, кто вывел людей из огня: таким уже верят. Арсеналы гарнизона — вскрыть: шесть тысяч че-

ловек без тяжёлого вооружения — погорельцы, с вооружением — оборона столицы. Всё, что в гарнизоне умеет стрелять — развернуть и рассредоточить, потому что стоящее кучно и умирает кучно. Гарнизонные интенданты, постаревшие за этот неполный час на целую жизнь, спрашивали, по какой форме оформлять выдачу. Я разрешил оформлять по форме «разберёмся потом».

Настасья Николаевна всё это время стояла у дальнего края карты и смотрела не туда, куда смотрели остальные. Остальные смотрели на десантные колонны. Она — в дальний сектор, где серым неподвижным облачком висела у своих судов-генераторов эскадра Суровцева. Смотрела Настасья Николаевна так, будто у этого облачка имелись перед ней личные, ещё не закрытые обязательства.

— Он точно не будет отсиживаться, — сказала она, когда я подошёл. — Валериан Николаевич стоит там не потому, что боится, а потому, что пока рано. Он ждёт начала высадки. Форты займутся десантом — и тогда он ударит. В этот раз вместе со своим шефом, по общему плану и по расписанию. Порознь мы их уже видели. Скоординированных — ещё нет, и мне заранее не нравится это зрелище.

— Мне тоже.

— Тогда вы понимаете, куда я сейчас полечу. — Она развернулась к столу прежде, чем я успел ответить. — Государь! Прошу разрешения покинуть резиденцию. В секторе четырнадцать моих вымпелов и доки, полные железа, которое в

будущем можно поставить в строй. Кто-то должен собрать из этого эскадру и отстоять космос. Это моя работа, и делать её отсюда нельзя.

Император поднял голову. Несколько секунд он смотрел на неё, и я не взялся бы сказать, чего в этом взгляде было больше — расчёта или того, что у людей постарше называется «узнаю породу».

— Вы видели, что стало с теми, кто шёл сегодня через атмосферу, контр-адмирал.

— Видела, государь. Лучше многих.

— Хорошо, — сказал он. — Разрешаю. Соберите мне эскадру, Настасья Николаевна.

Прощание уложилось секунд в десять — больше у нас не было.

— Александр Иванович.

— Контр-адмирал Зимина.

— Удержите планету до моего возвращения, — сказала она. — Мне есть за чем возвращаться.

Она протянула руку — по-мужски, раскрытой ладонью. Ладонь была твёрдая, и я задержал её в своей ровно на секунду дольше уставного.

— Настасья...

— Не надо, — сказала она, отнимая руку. — Всё, что вы хотите сказать, я знаю. Всё, что хочу сказать я, вы услышите после. Вот вам и повод остаться в живых.

И вышла. Вернее — выбежала: от порога она уже бежала,

и нога ей не мешала, потому что запрещать себе Настасья Николаевна умела лучше всех, кого я встречал на службе.

А я остался стоять с очень нехорошим расчётом в голове.

Над дневной стороной Суража-4 лениво и хозяйски ходили чужие отметки — выше зенитных потолков и ниже всякой совести. Атмосферу контролировал противник. Шаттл — не десантный корабль: ни брони, ни огневых средств, одна вежливая надежда, что никто не заметит. Для оружейного расчёты крейсера противника снять его на разгоне — вопрос не усилий, а желания. Останавливать её было бесполезно: этот опыт я приобрёл давно и оплатил по полной стоимости. Уговаривать — поздно. Приказывать — не мог: равный не приказывает равному, куда тому лететь умирать, тем более после разрешения Ивана.

В кабинете оставался лишь один человек, который мог её остановить. Строго говоря, останавливать должен был даже не он — а те, кем он распоряжался.

Гинце стоял у окна, за которым темнел парк, и держал руки за спиной.

— Густав Адольфович.

— Александр Иванович, — отозвался он, не оборачиваясь.

— Мне нужна ваша помощь.

Вот теперь он обернулся. Неспешно, всем корпусом, с лицом человека, которому предъявили доказательство теоремы, считавшейся недоказуемой.

— Прошу прощения. Мне послышалось, будто сам контр-адмирал Васильков попросил у меня помощи.

— Вам не послышалось.

— Тот самый контр-адмирал, который нынче утром при государе назвал меня неприятным ему человеком.

— Тот самый.

— Который взялся за эфес, когда моя машина тронула его за плечо. Который пять лет полагает, что я променял науку на должность. Я ничего не упустил?

— Упустили таверну в Порт-Ройяле, — напомнил я. — Её обычно поминаю я, так что квиты. Густав Адольфович, если вам нужны извинения — будут. Письменно, после боя, в трёх экземплярах. Сейчас у нас счёт на минуты.

Он склонил голову набок — самую малость, как прибор, меняющий угол измерения.

— Говорите.

— Зимина идёт к шаттлу. Её снимут на разгоне, раньше кромки стратосферы. Задержите её. Вашими Алексами. Я видел, как они работают. Они успеют.

— Вы просите применить моих роботов к контр-адмиралу императорского космofлота, — уточнил он с удовольствием дегустатора. — Против её воли.

— Против её воли, — подтвердил я. — Воля у неё сегодня одна: успеть на собственную гибель. Такую волю я уважаю, но наблюдать за этим не намерен. Также я прошу не дать государю потерять одного из лучших его флотоводцев.

Пересчитайте сами, вы это любите: сколько их у него осталось. Один из которых стоит перед вами и просит. Вторая через десять минут сгорит вместе с шаттлом. Проценты — по вашей части, Густав Адольфович.

Он молчал секунды три, и я не мешал: торопить его было так же полезно, как торопить расчёт контура.

— Доводы имеют смысл, — произнёс он наконец тем же голосом, каким читал мне пункты. — Флотоводцев у государства действительно немного. Терять их подобным образом глупо, а глупость я не люблю даже больше, чем вас. Алекс-2.

Он не повысил голоса, и всё же от дверей отделилась серая фигура и оказалась рядом — как всегда, без промежуточных положений.

— Контр-адмирал Зимина направляется к посадочной площадке, — сказал Гинце. — Не позволяй ей покинуть планету. Доставь в надёжное охраняемое место. Куда — ты знаешь. Обращаться бережно: это не задержание, это сбережение актива.

— Принято, — сказал Алекс-2 голосом, в котором не было ничего, и вышел.

Спасибо я не произнёс. Мы оба понимали, что одним словом сегодняшней счёт между нами не закрывается, а других слов у меня при себе не было.

Гинце вернулся к окну — с достоинством человека, выигравшего спор, не открыв рта. Пожалуй, впервые за пять лет мы с ним сделали общее дело, и обоим хватило ума не отме-

тить это вслух.

Император поднял глаза от очередной сводки, проводил серую спину робота коротким взглядом — секунда, не больше — и вернулся к докладам. Телохранителей у него сегодня ubyло на единицу, забот прибыло целый ворох; в таком балансе малые величины не читаются.

Она мне этого не простит, подумал я. Разжалует из всех званий, которые успела мне присвоить, включая невоинские. Пусть. Прощение — вопрос будущего, а будущее — ровно тот товар, который я ей сейчас покупал.

Доклады тем временем слились в сплошной поток. Сводные батальоны — формируются, первые уже выдвигаются к периметру столицы. Арсеналы — вскрыты, раздача идёт с опережением всякой формы. Расчёты — по местам. В потоке снова мелькнул давешний охрипший бас: теперь он именовался «комбат-один» и требовал уже не носилки, а сектор обороны пошире. Я слушал, отвечал, двигал по карте силы, которых было мало, и краем сознания ждал одного-единственного доклада с посадочной площадки, который всё не приходил.

Вместо него пришёл наш грузный генерал-губернатор.

Дверь распахнулась без стука и без церемоний, и в зал вбежал Борисевич — вбежал, всем своим весом, всеми своими семьдесятю годами. Я впервые видел Генриха Христовича без улыбки и понял, что буду помнить это лицо дольше, чем хотелось бы. Анекдотов при нём не было ни

одного.

— Государь! — выдохнул он от дверей. — Доклад с постов наблюдения. Османы и крейсера Грауса встали над колоннами прикрытием... БДК пошли вниз. Входят в атмосферу!

Вторжение началось.

Глава 3

Примерно шестьсот шагов отделяли двери резиденции от посадочной площадки, и Настасья Николаевна собиралась покрыть их за две минуты. У ноги имелись собственные соображения. На пятидесятом шаге она напомнила о себе коротким уколом, на сотом перешла к ультиматумам, и бег превратился в то, что уставы деликатно называют «ускоренным передвижением», а очевидцы — хромотой.

С хромотой Настасья Николаевна поступила так же, как со всеми, кто мешал ей по службе: перестала слушать.

— Борт три, — бросила она в идентификационный браслет, не сбавляя шага. — Прогрев. Стартуем, как только я на буду борту.

— Прогрев идёт, — отозвался пилот после паузы, которая ей не понравилась. — Контр-адмирал, диспетчерская даёт нашему коридору «жёлтый». Верхние эшелоны под чужим контролем.

— Красного же не дала.

— Никак нет. Пока думает.

— Пусть думает после нашего старта, — сказала Зимина. — Работайте.

«Жёлтый» в переводе с диспетчерского языка означал: лететь можно, долететь — как получится. Её устраивал и такой перевод. Арифметика была на её стороне ровно до нача-

ла высадки: пока чужие экипажи заняты колоннами, одиночный челнок на форсаже имеет шансы проскочить — незамеченным или хотя бы недостаточно интересным. Скоро эта арифметика умрёт вместе с окном старта, и лететь станет не к чему.

Дальше считалось другое, и это другое было приятнее. Вымпелы, разбросанные по дальнему сектору, предстояло стянуть в единый ордер; доки — вытрясти до последнего исправного корпуса; экипажи — доукомплектовать теми, кто потерял корабль. «Елизавета Первая» стояла без верхней палубы, зато с живой ходовой, а флагману в предстоящем деле положено не блистать, а быть. Старик Юзефович повторял: эскадра собирается дважды — сначала в голове командующего, потом в пространстве. В голове у Настасьи Николаевны эскадра была собрана ещё в кабинете. Оставалось пространство.

Парк резиденции по сторонам дорожки стоял парадный и бесполезный, как караул на похоронах. Небо над ним ещё держало имперский порядок: огни, ни следа суеты. Лишь высоко на западе, где кончалась ответственность садовников, атмосферу начали расчерчивать белые росчерки — тонкие, аккуратные, почти красивые. Так выглядит из партера начало чужого спектакля: сначала похоже на салют, потом — на то, чем является.

Впереди, за контрольным постом, находилась площадка. Борт три грел двигатели, над бетоном плыла знакомая

дрожь горячего воздуха. Настасья Николаевна прибавила. Нога взвыла. Она пообещала ноге госпиталь после сражения; обе стороны знали цену этому обещанию.

До трапа оставалось шагов тридцать, когда на её плечо легла рука.

Шагов за спиной она не слышала. Ни дыхания, ни движения — а по настилу нельзя пройти беззвучно и быстро, это знает каждый, кто хоть раз пробовал. Настасья Николаевна вздрогнула всем телом, по-настоящему, до холода между лопаток, и обернулась раньше, чем успела себе это запретить. Страх редко приходит от опасности; чаще он приходит от внезапности. Опасность она приняла бы спокойнее.

Перед ней стоял Алекс-2 — ростом с дверь и примерно такой же выразительный.

— Контр-адмирал Зимина, — произнёс он. — Мне приказано сопроводить вас в безопасное укрытие. Прошу следовать за мной.

— Приказано, — повторила она, стряхивая его ладонь; ладонь позволила себя стряхнуть. — Кем?

— Советником Гинце.

Из всех фамилий, какие он мог назвать, эта подействовала быстрее прочих — как нашатырь: резко, неприятно и отрезвляюще. Настасья Николаевна коротко засмеялась, без всякого удовольствия.

— Передай своему конструктору: его заботу я ценю по прейскуранту его же процентов — то есть дорого и в долг.

Опека мне не требуется. Мне требуется как можно быстрее прибыть на орбиту. Уйди с дороги.

Она шагнула к трапу. Алекс-2 оказался у трапа раньше. Самого движения она не уловила: вот он стоит слева и позади — вот он уже впереди, между ней и аппарелью, и серый корпус закрывает проём с запасом по всем габаритам.

— Ваш маршрут отменён, — сообщил он. — Вероятность поражения челнока на разгонном участке оценивается как крайне высокая. Также имеется просьба контр-адмирала Василькова.

— Что?

— Контр-адмирал Васильков просил не позволить вам покинуть планету, — ровно повторил Алекс-2. — Обоснование: государю не хватает флотоводцев, чтобы терять их так глупо.

Вот теперь её затрясло по-настоящему. Гинце — ладно; от Гинце она ждала любой пакости, упакованной в заботу, с описью и печатью. Но Александр Иванович... Человек, который от переполнявших его чувство на прощание не сумел сказать ей и трёх слов — и оба знали каких, — этот человек не мог выслать к ней конвойного. Тем более этого. Он мог спорить с ней до хрипоты, мог пойти к государю, мог, в конце концов, встать в этот проём сам. Он знал её слишком хорошо, чтобы не понимать: с ней так нельзя. Значит, врёт машина. Машины лгут, когда им приказано лгать; в ведомстве Гинце это называется «легендой прикрытия», и вкус к

легендам там всегда был отменный.

— Ложь, — бросила Настасья Николаевна. — Васильков такого не просил. Пропусти. Это приказ контр-адмирала императорского космофлота.

— Ваш приказ не может быть исполнен. Распоряжение советника имеет приоритет в рамках режима охраны резиденции.

— Пропусти!

— Не могу, контр-адмирал.

— Контр-адмирал, мы готовы, — напомнил из браслета пилот, которому из кабины не было видно ничего, кроме серой спины в проёме. — Окно закрывается.

— Ждите, — сказала Зимина, и слово далось ей тяжелее любого доклада о потерях.

Дальше она сделала то, что сделал бы любой офицер, у которого из аргументов остался последний. Ладонь легла на эфес, большой палец привычно нашёл утопленную кнопку: плазменный клинок встаёт из эфеса быстрее, чем противник успевает о нём пожалеть, и даже корабельная броня относится к нему с уважением.

Кнопка так и осталась ненажатой.

Пальцы Алекса-2 сомкнулись на её запястье — без рывка, без боли, с механической окончательностью дверного замка. Она рванулась. С тем же успехом можно было вырываться из задраенного шлюза. Робот держал её руку на весу бережно, как держат птицу, и надёжно, как держат арестанта, и от

сочетания этих двух бережностей хотелось быть в голос.

Она огляделась — по-боевому, срезом, как учили: что на поле есть полезного.

Пилот в кабине не в счёт: из вооружения у него штурвал и хорошие манеры. Ограда, камеры, пустой парадный парк. И — у контрольного поста, шагах в сорока, трое: прапорщик и два гвардейца дворцовой охраны. Этим утром именно они проверяли их с Васильковым допуски; прапорщика она запомнила — немолодой, обстоятельный, из той породы служаек, что дочитывают предписание до конца даже под обстрелом. Сейчас все трое смотрели в её сторону, и по позам читалось: происходящее у трапа им уже не нравится, они лишь не решились, как оно называется по уставу.

— Ко мне! — крикнула Зимина командным, через всё поле. — Охрана — ко мне!

Решение было принято за них. Трое подошли быстро, на ходу разворачиваясь в уставной треугольник: прапорщик впереди, гвардейцы по флангам. Немолодой служака оценил картину в два взгляда. Контр-адмирал, известный ему лично и по списку допуска, — раз. Робот, известный ему как телохранитель государя, — два. Рука контр-адмирала, заблокированная манипулятором, — три. Первые два пункта плохо уживались между собой; третий не уживался ни с чем.

— Помогите, — сказала Настасья Николаевна, ненавидя это слово отдельно от всей ситуации. — Эта чёртова машина удерживает меня незаконно.

— Отпустить контр-адмирала, — приказал прапорщик роботу. Голос у него был будничным, рабочий: этим голосом он, надо думать, тридцать лет требовал предъявить пропуск. — Немедленно.

— Отказано, — ответил Алекс-2. — Я исполняю распоряжение советника Гинце в рамках режима охраны. Контр-адмиралу ничего не угрожает. Не вмешивайтесь и не производите действий. Это предупреждение.

— Предупреждения здесь делаю я, — сказал прапорщик и потянул из кобуры пистолет.

Дальнейшее заняло меньше времени, чем занимает чтение об этом.

Ствол пошёл вверх, к лицу робота, и не дошёл. Свободный манипулятор сместился, воздух коротко свистнул, и прапорщик закричал: правая рука висела под углом, под каким руки не висят, пистолет уже стучал по бетону. Гвардейцы вскинули винтовки — слаженно, по уставу, на вдохе. Выстрелить не успел ни один. Алекс-2 прошёл между ними, как проходят между стойками тренажёра: два касания, по одному на брата, и оба легли там, где стояли. Не сломанные — выключенные. Разницу Настасья Николаевна отметила краем сознания, с холодным изумлением: он на ходу разбирал, кого ломать, а кого гасить.

Ради этих двух касаний ему пришлось освободить её запястье.

Секунды две, может, три. Ладонь на эфесе, палец на кноп-

ке, клинок на взводе. Потом она тысячу раз пересчитает это время по кадрам и не найдёт себе оправдания: рука была свободна, а она стояла и смотрела, оцепенев, как курсант на первом разборе крушения.

Прапорщик оправданий искать не стал. Лёжа, воя от боли, он дотянулся левой, неродной рукой до пистолета, поднял его с бетона и выстрелил в широкую серую спину — один раз, точно, между лопаток, туда, куда учат стрелять. Попал. Звон удара о композит вышел безобразно громким и безобразно бесполезным.

Алекс-2 сделал шаг назад и один раз, коротко, сверху вниз опустил манипулятор. Удар пришёлся в голову. Второго не потребовалось.

Настасья Николаевна воевала не первый год и видела смерть в ассортименте. Эта была из мгновенных. Немолодой обстоятельный служака, дочитывавший всякое предписание до конца, перестал быть — не успев узнать, что сегодняшнее предписание было составлено против него.

Стало слышно, как греются двигатели борта три. Других звуков на площадке не осталось.

— Контр-адмирал! — сорвался в браслете голос пилота. — Я слышал выстрел! Что там у вас?!

— Отбой старта, — обречённо сказала Зими́на. Голос принадлежал ей не весь. — Глуши двигатели, борт три. Окно закрыто.

Пилот не переспросил. Умный человек.

Она смотрела на робота. Робот развернулся к ней — на спине, там, куда пришлась пуля, светлела отметина размером с монету. Больше от последнего поступка прапорщика не осталось ничего.

— Ты его убил, — воскликнула она. — Ты это понимаешь? Он уже не был угрозой.

— Он произвёл выстрел по телохранителю государя, исполняющему приказ, — ответил Алекс-2. — Протокол квалифицирует это как вооружённое нападение в охраняемом периметре. Ответ протоколом не ограничивается. Мне жаль, если вам жаль.

Последняя фраза была собрана до того безграмотно по-человечески, что Настасья Николаевна поняла: это не сбой. Это почерк Густава Гинце собственной персоной — привычка вкладывать в машину слова утешения, не вложив самого утешения.

Она посмотрела на трап, до которого не дошла нескольких шагов. На гвардейцев — те начинали шевелиться, благо живые. На тёмное пятно, расплывшееся из-под прапорщика по бетону. Задача, которой она жила последние полчаса, никуда не исчезла: вымпелы, доки, ордер к рассвету — всё это по-прежнему ждало её наверху. Только теперь между ней и её задачей лежал человек, погибший за попытку ей помочь, и стоял механизм, убивший его в порядке вещей.

— Куда ты меня поведёшь? — спросила она ровно, потому что кричать на машину было всё равно что стрелять в неё.

— В безопасное укрытие на территории резиденц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.